

императору впервые в 1433 г. (с. 136). Совместные усилия византийской и папской дипломатии обеспечили участие трапезундских представителей в Ферраро-Флорентийском соборе. И хотя трапезундский митрополит Дорофей подписал заключительный акт собора об унии, практически со времени подписания она не соблюдалась в империи. В наибольшей степени внимание пап к Трапезунду было обращено после 1453 г., когда вокруг Трапезунда начала складываться лига восточных государств, стремившихся к отражению османского натиска. Пий II рассчитывал на эту непрочную коалицию, готовя крестовый поход против турок, которому так и не суждено было осуществиться. В главе рассматривается история миссии минорита Лудовико да Болонья на Восток и подложного посольства «восточных государей» к папе и западноевропейским правителям (с. 143—145). Падение Трапезунда в 1461 г. было ударом для восточной политики пап.

В V главе подробно проанализированы единичные данные о контактах Трапезундской империи с Англией, Францией, Бургундским герцогством, Кастилией, Флорентийской республикой, а на заре Трапезундской государственности — с Латинской империей. По мнению автора, эти факты укладываются в рамки истории так называемых «поздних крестовых походов» (с. 147). Возможно, исключением

были лишь отношения с Флоренцией, устремлявшейся в Левант особенно активно с 30-х годов XV в. Вопрос об устройстве флорентийской фактории на Понте был решен в 1460 г., но для его реализации уже не оставалось времени (с. 160—161). В главе рассмотрены отклики в Европе на падение Трапезундской империи, представления о ней в европейской художественной литературе.

«Небольшое Понтийское государство, почти всегда окруженное явными или потенциальными врагами, имевшее весьма ограниченные собственные ресурсы, сумело в течение двух с половиной веков, наполненных трагическими событиями в Малой Азии, выжить и сохранить независимость» (с. 169). В числе причин этого, как убедительно доказал С. П. Карпов, были удачная внешняя политика империи, система ее хозяйственных связей, развитые и процветающие города.

Монография содержит ряд приложений: хронологические списки трапезундских императоров, а также венецианских байло, генуэзских консулов (имена которых в значительной степени выявлены самим автором по архивным материалам). Там же дана сравнительная таблица коммерции, взвешиваемых с итальянских купцов в Трапезунде, и график инканти.

З. В. Удальцова

La iou - Thomadakis A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, Thirteenth—Fifteenth Centuries. — DOP, 1980—1981, vol. 34/35, p. 177—222.

Профессор Гарвардского университета А. Лайу-Томадакис в большой обобщающей статье анализирует развитие византийской экономики в XIII—XV вв., ее место в средиземноморской торговой системе. При этом автор исходит из совершенно справедливой посылки о неразрывности экономических связей всего Восточносредиземноморского региона (от Италии до черноморских берегов), существовавшей в ту эпоху.

Американская исследовательница осознает необходимость коррекции господствующего в историографии положения о том, что итальянская торговло-предпринимательская деятельность разрушила византийскую торговлю и города, вытеснила византийское купечество с левантийских рынков. Такой взгляд, по мнению А. Лайу-Томадакис, отчасти идет от латинофобских суждений самих византийских писателей, творивших в эпоху острых политических кризисов. Однако он не разграничивает судьбу византийского государства, слабого и бедного в эпоху Палеологов, от судьбы византийских торговых слоев и аристократии, располагавших немалыми средствами, не учитывает данных, выявленных в последние годы благодаря публикациям и исследованиям нотариальных актов и других итальянских экономических источников (с. 187—188).

С 70-х годов XX в. намечается тенденция к пересмотру упомянутой концепции. Поиски в этом направлении осуществляли

и другие ученые¹. Многие из их публикаций, вышедшие почти одновременно со статьей Лайу-Томадакис, не могли быть учтены ею, но примечательно совпадение ряда выводов, к которым приходят, на

¹ *Matschke K.-P.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. В., 1971; *Idem.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981, S. 142—273; *Idem.* Bemerkungen zu den sozialen Trägern des spätbyzantinischen Seehandels. — *Byzantinobulgarica*, 1981, VII, S. 253—261; *Idem.* Geldgeschäfte, Handel und Gewerbe in spätbyzantinischen Wirklichkeit. — *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*. В., 1979, Bd. 3, S. 181—204; *Oikonomidēs N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe—XVe ss.). Montréal; Paris, 1979 (ср. нашу рецензию: ВВ, 1981, 42, с. 237—238); *Maksimović L.* Charakter des sozial-wirtschaftlichen Struktur der spätbyzantinischen Stadt 13.—15. Jh.). — *JÖB*, 1981, Bd. 31/1, S. 149—188; *Карпов С. П.* Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Трапезунд в XIII—XV вв.). — *ВО*. М., 1977, с. 79—106; *Он же.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М.,

пример, Н. Икономидис, JI. Максимович и американская византистка. Как и другие исследователи, Лайу-Томадакис отмечает возрастание активности византийского купечества, укрепление его сотрудничества с итальянцами в период с конца XIII до середины XIV в.² С интересами греческого купечества считались правительство и Апокавка, и затем Иоанна VI Кантакузина. За тот же период увеличилась доля византийцев среди предпринимателей, ведущих черноморскую торговлю. Греки интегрировались в экономическую жизнь Килии и других итальянских факторий (с. 210—211), где оседали на постоянное жительство или на длительный срок (с. 220—221). До 40-х годов XIV в., полагает автор, нельзя говорить о монополии генуэзцев в снабжении Константинополя зерном и продовольствием (с. 192—193). Разделение труда в импортно-экспортной торговле региона и единый механизм ценообразования оставались стабильными, что благоприятствовало развитию коммерции.

И все же экономика Византии была, как считает Лайу-Томадакис, обречена на стагнацию. Причины такого положения она видит в том, что византийское купечество занимало подчиненные позиции в торговле; оно не смогло овладеть ее ключевыми пунктами, не располагало капиталами, сравнимыми с итальянскими, не контролировало торговые пути и оставалось по сути дела периферийным. Греческое купечество не смогло пробиться на рынки Западной Европы, в то время как генуэзцы и венецианцы определяли экономическую ситуацию на Леванте. Греческая торговля в основном обслуживала итальянскую, перенимая ее формы и методы³. Лайу-Томадакис рассматривает также (довольно традиционно) проблему торговых привилегий итальянцев на территории Византии⁴ и меры визан-

тийского правительства, направленные на регулирование хлебной торговли в интересах, как она думает, «городского потребителя, розничного торговца и, в меньшей степени, производителя» (с. 213). Новым в работе является показ того, что вплоть до конца XIV в. продолжался экспорт зерна из Константинополя, Месемврии, Фракии и что этот экспорт иногда доминировал даже над экспортом из Каффы (с. 218—219). В хлебную торговлю были вовлечены византийская аристократия и сам император.

Признавая справедливость многих выводов исследовательницы, нельзя не отметить, что причины упадка Византии в XIV—XV вв. в значительной мере коренились в состоянии ее ремесленного производства, которому в статье уделено лишь небольшое место. Византийская торговля не опиралась на солидный базис ремесленных цехов и потому все более ориентировалась на сбыт сельскохозяйственной продукции и посредническую торговлю. Вместе с тем рост потребления привозных итальянских тканей приводил ко все возрастающему торговому дефициту, особенно ощутимому по мере сокращения сбыта продовольственных товаров. Лайу-Томадакис освещает византийскую торговлю в разных центрах, включая Балканы. Однако она не всегда выделяет региональную специфику, которая, по нашему мнению, в тот период была весьма значительной⁵. Константинопольский тип развития в XIII—XV вв. не идентичен византийскому варианту вообще. Да и можно ли говорить применительно к этому периоду — наступления феодальной раздробленности, отсутствия единого внутреннего рынка — о некоем общевизантийском варианте?

Представляется сомнительным и вывод автора о том, что для византийских греков был строго лимитирован доступ в главные черноморские фактории итальянцев, прежде всего в Каффу и Тану, в то время как они могли торговать во второстепенных пунктах (с. 211). По договорам итальянцы признали принцип паритета и

1981; *Он же*. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города. — ВВ, 1983, 44.

² Ср.: *Oikonomidēs N.* Op. cit., p. 35—41, 53—128; *Карпов С. П.* Особенности. . ., с. 101—103; *Он же*. Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII — первой половины XV в. — *Byzantinobulgarica*, 1981, VII, с. 239—245.

³ Подобный вывод был сделан нами ранее в отношении к купечеству Трапезундской империи. См.: *Карпов С. П.* Особенности. . ., с. 105—106.

⁴ В последние годы по этому поводу высказывалось мнение, что предоставление итальянцам широких торговых привилегий было оправданной экономической мерой, рассчитанной прежде всего на то, чтобы вернуть в Константинополь поток товаров с конкурирующих с ним рынков Леванта, сделав это с минимальным ущербом для местного производства. См.: *Gadolin A. R.* Alexis I Comnenus and the Venetian trade privileges: a new interpretation. — *Byz.*, 1980, L/2, p. 439—446; *Le Barre Starensier A.* An economic defence of the

Comnenian and Paleologue policy of granting commercial privileges: a model based on the medieval international silk trade. — In: *The Vth Annual Byzantine Studies Conference. Abstracts of Papers.* *Dumbarton Oaks; Washington*, 1979, p. 29—30.

⁵ См., например: *Удальцова З. В., Окупова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии (Постановка проблемы). — ВВ, 1974, 36, с. 25—26; *Hrochová V.* Byzantská města ve 13—15 století. Praha, 1967; *Eadem.* Aspects sociaux et économique de la décadence des villes byzantines à l'époque des Paléologues. — In: *Actes du XIVe Congr. Intern. des Etudes Byzantines.* *București*, 1975, t. 2, p. 127—131; *Eadem.* La littoral et l'arrière-pays de la Mer Noire au XIIIe—XVe s. (Aspect économique, commercial et politique). — *Byzantinobulgarica*, 1981, VII, p. 221—227.

допускали греков во все контролируемые ими пункты. Об этом свидетельствуют материалы массарий Каффы, документы о торговле в Тане⁶. Другое дело, что

экономически византийские купцы не всегда могли эффективно воспользоваться своими правами.

Работа Лайу-Томадакис, синтезируя имеющийся материал, побуждает к дальнейшему исследованию инфраструктур византийской экономики, внутрирегиональной торговли, специфики отдельных областей как самой Византии, так и Латинской Романии

С.-П. Карпов

⁶ *Balarud M. La Romanie Génoise (XIIe—début du XVe siècle). Roma, Genova, 1978, vol. I, p. 269—277, 310—354; Карпов С. П. Трапезундская империя. . ., с. 36—38. Статистический материал для оценки роли местных купцов и греческих купцов Константинополя и Южного Черноморья в коммерции Каффы, Таны и других эмпориев и портов Северного Причерноморья может*

быть почерпнут из анализа массарий Каффы, хранящихся в Генуэзском государственном архиве.

M a t s c h k e К. П. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar: H. Böhlau Nachf. 296 S.

С давних пор в медиевистике был распространён тезис о постепенном упадке Византийской империи, упадке, продолжавшемся целые столетия и особенно наглядно проявлявшемся в эпоху османского нашествия на Балканы¹. Тем не менее — что вполне понятно — в историографии уже неоднократно обращали внимание на поразительную устойчивость Византии, столь ослабленной после успешных османских завоеваний XIV в.; с этим было связано и рассмотрение определенных мероприятий византийского правительства (например, частичной секуляризации монастырских имений после 1371 г.), попыток вернуть во второй половине XIV в. утраченные территории на Черном и Эгейском морях². Однако особого внимания в данном плане, без сомнения, заслуживает «передышка», полученная Византией после сокрушительного разгрома османского султана Баязида I войсками Тимура (в битве при Анкаре 28 июля 1402 г.) и знаменовавшая восстановление прежних (до завоеваний Баязида) позиций империи.

Эта «передышка» стала предметом специального исследования лейпцигского византиниста Клауса Петера Мачке, который осуществил в своей монографии анализ не только внешнеполитического положения государства после Анкарской битвы, но и важных проблем его внутренней истории, социально-экономических процессов начала XV в. В соответствии с этим он рассматривает вначале те оценки, которые были даны самой Анкарской битве и ее последствиям для Византии и для Османской державы как современниками, так и учеными-византинистами; впрочем, в действительности вводная глава (с. 9—39) гораздо шире и глубже ее темы, поскольку вводит читателя в курс тех альтернатив, которые

стояли тогда перед византийскими государственными деятелями, их программы «реконкисты» и поисков средств и наилучших путей к ее реализации. В то же время автор характеризует здесь суждения, которые в византиноведении неразрывно связывали эту «передышку» с кардинальным вопросом о судьбе Византии, о том, был ли у нее тогда реальный шанс, чтобы выжить, выстояв в борьбе с османскими завоевателями и латинской экспансией.

Закономерен поэтому переход автора — во второй главе (с. 40—141) — к детальному разбору Галлиполийского договора 1403 г. и анализу его результатов для османо-византийского соотношения сил в течение двух первых десятилетий XV в. Справедливо указывая, что договор был заключен Иоанном VII, а вовсе не Мануилом II (с. 40—41), К. П. Мачке обращает внимание в данной связи на то, что именно Иоанн VII в силу договора стал «отцом» (в формально-иерархическом смысле) нового султана Сулеймана, сына Баязида I, причем эта иерархическая конструкция сохранялась еще при Мехмеде I, т. е. вплоть до 1421 г.: Разумеется, для реальных взаимоотношений Византии с османами была гораздо важнее, в особенности в период ожесточенной борьбы наследников Баязида, не номинальная зависимость султанов от их ромейских «отцов», а вполне конкретные размеры тех территориальных приобретений Византии (т. е. Салоник с прилегающими землями, далее — черноморского побережья и др.), которые были закреплены по данному договору и, видимо, даже отчасти расширены в результате политики Мануила II (примечательно, что это встречало недовольство Венции — с. 60—61). Рассматривая далее вопрос о дани османов — в пользу Византии, Фессалоник — в пользу Порты, перипетии борьбы за Галлиполи, состояние византийского флота и укреплений после 1402 г., автор следующим образом резюмирует итоги изучения всего этого сложного круга проблем: попытка вернуть прежние преобладающее положение Византии по отношению к османам была безуспешной, договор 1403 г. не стал исходным пунктом для завоевания новых позиций, причем причины этому различны и, видимо, не

¹ Ср.: Курбатов Г. Д. История Византии: Историография. Л., 1975, с. 36, 40, 116 и др. См.; например: Острогорски Г. Сабрана дела. Београд, 1969, кн. 1, с. 260 и сл.; Наумов Е. П. К истории сербо-византийской границы во второй половине XIV в. — ВВ. 1964, 25.